

УДК 94(47):349.41

DOI 10.17150/2500-4255.2017.11(2).444-450

САМОСУД В РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ОПЫТ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАПАДНОГО РЕГИОНА)

Т.Л. Музычук¹, В.В. Кулачков²¹ Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация² Брянский государственный инженерно-технологический университет, г. Брянск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
10 января 2016 г.Дата принятия в печать
10 мая 2017 г.Дата онлайн-размещения
21 июня 2017 г.

Ключевые слова

Крестьянство; Западный регион
России; самосуд; насилие;
справедливость; конокрадство;
воровство; обычное право

Аннотация. В статье рассматриваются историко-правовые особенности российского самосуда в прошлом и настоящем на материалах Западного региона России. По мнению авторов, сегодня усиливается интерес к изучению историко-правовой проблематики. Это связано с тем, что эволюция современного права невозможна без учета фундаментальных юридических традиций прошлого. При этом крестьянское прошлое большинства населения России накладывает отпечаток на формирование менталитета ее жителей в настоящем. Основой правового сознания крестьян было обычное право, поэтому сельские нравы и обычаи находились в неразрывной связи с правовыми принципами. В результате самосуд как форма незаконной расправы ярко выражал криминологические аспекты правового сознания крестьян Западного региона России. Жестокость его реализации на практике особенно проявлялась при наказании преступников, совершающих тяжкие преступления против собственности, прежде всего конокрадов и воров. Определенная легитимизация самосуда при помощи санкции сельского схода или местной власти придавала ему вид законности и снижала вероятность мести со стороны жертвы. В большей мере именно эти обстоятельства и, конечно, неверие в авторитет правоохранительных органов способствовали осуществлению самосуда в реальности. Общество при появлении случаев самосуда, к которому приводят чувства мести, ненависти и страха, возвращается к своим истокам. Перманентное недоверие государству и неверие в его способность достойно защитить граждан — причины активного применения самосудов в прошлом, сохранения их в настоящем и, скорее всего, того, что они не исчезнут и в будущем.

VIGILANTISM IN RUSSIA: HISTORICAL AND LEGAL EXPERIENCE (BASED ON MATERIALS FROM THE WESTERN REGION OF RUSSIA)

Tatyana L. Muzychuk¹, Vadim V. Kulachkov²¹ Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation² Bryansk State Engineering-Technological University, Bryansk, the Russian Federation

Article info

Received
2016 January 10Accepted
2017 May 10Available online
2017 June 21

Keywords

The peasantry; Western region
of Russia; vigilantism; violence;
justice; horse stealing; larceny;
customary law

Abstract. The authors examine the historical and legal specifics of past and present vigilantism in Russia using the materials of its western region. They believe that the interest for the study of historical and legal issues is currently on the rise because the evolution of contemporary law is impossible without taking into account the fundamental legal traditions of the past. Besides, the majority of Russians have peasant origins, which influences the set of people's mentality today. Customary law was the basis of legal consciousness for peasants, so rural ways and morals were inextricably linked with legal principles. As a result, such a form of illegal execution as vigilantism was a vivid manifestation of criminological aspects of peasants' legal consciousness in the Western region of Russia. Mob law was enforced with especial ruthlessness when punishing offenders who committed grave property crimes, primarily, horse stealers and thieves. Certain legitimization of vigilantism through the sanctions of village gatherings or local authorities gave it an aura of legitimacy and reduced the possibility of revenge from its victim. To a great degree these circumstances, as well as distrust of law enforcement bodies, contributed to the existence of mob law cases. In cases of vigilantism, which arise from the feelings of revenge, hatred and fear, the society goes back to its origins. Permanent distrust of the state and lack of belief in its ability to provide necessary protection for its citizens contributed to the widespread use of vigilantism in the past and continue to support its existence in the present, and, most likely, in the future as well.

Развитие современной юридической системы невозможно без опоры на исторический опыт правовых традиций и обычаев. Поэтому рассмотрение самосуда как одного из регуляторов отношений в крестьянской жизни является актуальной и значимой научной задачей. Цель данной статьи заключается в изучении историко-правовых особенностей российского самосуда в прошлом и настоящем на материалах Западного региона России. Под Западным регионом подразумевается территория современных Смоленской, Брянской и Калужской областей. Данный выбор обусловлен как их географической близостью, так и изменением административных границ в ходе развития регионов. Очевидно, что это самым непосредственным образом влияло на эволюцию и формирование особенностей реагирования жителей на проявления несправедливости в периоды ослабления институтов государственной власти.

В данной статье под самосудом подразумевается незаконная форма общественного наказания, которая в прошлом осуществлялась с разрешения сельского схода. При этом в ее практической реализации могли участвовать не только жертва или близкие ей люди, но и посторонние лица. В частности, В.В. Тенишев под самосудом подразумевал «такое осуществление судебной власти, которое не предусмотрено законом и производится самовольно. Решения, также поставленные самовольно, приводятся в исполнение порядком, не предусмотренным законом, в большинстве случаев насильственным» [1, с. 33]. Достаточно полное и современное понимание этого термина дает исследователь А.М. Смирнов. По его мнению, самосуд — это негативное социальное явление, представляющее собой самостоятельное противоправное (внесудебное) реагирование граждан в форме возмездия на нарушение установленных в обществе правовых предписаний, нравственных запретов, а также обычаев и традиций [2].

Необходимо учитывать, что совершение самосуда с разрешения схода или местной власти придавало ему вид законности и снижало вероятность мести со стороны жертвы. Кроме того, имеет значение не только сам факт самосуда, но и готовность к его реальному осуществлению. Как в прошлом, так и в настоящем людей подталкивало к нему горькое осознание того обстоятельства, что только с помощью самосуда можно добиться справедливости.

Следует подчеркнуть, что специальных исследований самосуда в отечественной историографии недостаточно, и в основном его изучение происходит в контексте рассмотрения эволюции правового сознания крестьянства. В таком ключе построены работы вышеупомянутого дореволюционного исследователя В.В. Тенишева, в которых отражены основные правовые традиции и обычаи крестьянства Западного региона России [3; 4]. Кроме того, стоит отметить и работы других дореволюционных исследователей, которые занимались обычно-правовой тематикой. Например, И. Оршанский считал, что самосуды основывались на добровольном подчинении законам общины и соответствовали крестьянским понятиям о справедливости [5, с. 214]. Е. Карцев отмечал, что крестьянский самосуд — это суд стариков у великороссов и суд громады у малороссов [6, с. 772].

В советской историографии преобладала точка зрения о том, что самосуды являются самобытной формой общественного наказания. Например, этого мнения придерживались Е.П. Бусыгин, Н.В. Зорин, Е.В. Михайличенко [7, с. 134]. Известный исследователь волостных судов Л.И. Земцов считал равнозначными понятия «крестьянский суд» и «самосуд» [8, с. 3].

В постсоветском периоде следует выделить работы В.Б. Безгина, который активно разрабатывает историко-правовую тематику [9; 10]. В статье Т.В. Шатковской проводится анализ самосуда как одного из проявлений российского правового менталитета [11]. Мы также вносим свой посильный вклад в изучение правовой повседневности села [12; 13].

В западной историографии исследованием правовых обычаев крестьянства интересовались многие зарубежные ученые [14–18]. Необходимо обратить особое внимание на статью С. Фрэнка, непосредственно посвященную проблематике крестьянского самосуда. Автор пришел к выводу, что «самосуд в русской деревне конца XIX — начала XX вв. не был незаконным насилием. Это была акция крестьянской общины, направленная на пресечение действий, которые угрожали нарушить традиционные социальные отношения или нанести урон хозяйству деревни» [19].

Таким образом, в отечественной и зарубежной историографии изучение общих историко-правовых особенностей сельской жизни происходит достаточно активно. Однако остается недостаточно изученной эволюция российского самосуда в контексте современной ситуации в

обществе. Именно это обстоятельство актуализирует исследовательскую работу в данном направлении.

Важно понимать, что при осуществлении самосуда соединяются чувства мести, злобы и страха, при этом судьба человека решается незаконным образом. Самосуд основан прежде всего на чувстве ненависти. В русском народе говорили: «Ничем вора не уймешь, коль до смерти не убьешь». Такие народные расправы в конце XIX — начале XX в. часто заканчивались ежегодными убийствами. Как правило, эта чрезмерная жестокость была связана с совершением тяжких преступлений против собственности. Так, Н.М. Астырев, имеющий опыт работы волостным писарем, утверждал, что крестьяне, воспитанные на страхе, сами прибегали к этому методу воздействия. «Отсюда и сцены дикого самоуправства, — писал автор, — когда при отсутствии улик за какое-либо деяние, наводящее страх (колдовство, поджог, конокрадство), доходят своими средствами, бьют, калечат, убивают и жгут» [20, с. 263]. Однако самосуд осуществлялся по определенным правилам, что подразумевало вынесение сельским сходом коллективного решения с учетом мнения старосты, старшины или опытных стариков [21, с. 280].

Довольно часто применение самосуда в русской деревне было связано с различными суевериями и колдовством. Крестьяне для решения различных вопросов обращались к знахарям и ворожеям, но отношение к ним было противоречивым. По мнению Л.С. Белогриц-Котляревского, это объяснялось «двойственным представлением о сверхъестественных существах — источниках как добра, так и зла. Колдуны, знахари и ведьмы воспринимались народом как проводники сверхъестественного, наделенные знаниями и способностями направлять силы природы» [22, с. 112].

Видимо, поэтому в случае возникновения различных проблем в виде эпидемий или неурожая на них же и возлагалась ответственность за происходящее. В частности, информатор из Орловского уезда Орловской губернии А. Михеева сообщала: «Убить колдуна или сжечь его мужики даже за грех не считают. Например, жила одна старуха, которую все считали за колдунью. Случился в деревне пожар, мужики приперли ее дверь колом, избу обложили хворостом и подожгли» [23, с. 154]. Однако к наиболее распространенным видам российского самосуда относилось «вождение вора», или просто «во-

ждение». Например, «в деревне Заболонья Смоленской губернии крестьянина застали за кражей гуся. По решению сельского схода назначили «вождение вора». Украденного гуся повесили вору на шею и трижды обвели его вокруг деревни. Участники процессии стучали в печные заслонки. Затем вор попросил прощения и выставил односельчанам полведра водки» [14–18].

Следует сказать, что традиции самосуда имеют очень давнюю историю. Так, по мнению исследователя В. Бердинских, «самосуд существовал как своеобразная форма крестьянского права и дожил в России до 30-х годов XX века» [24, с. 46]. Можно согласиться с этим, так как и после революционных событий 1917 г. изучаемое явление не исчезло, а продолжало существовать в крестьянской жизни. Одновременно надо учитывать и то, что политика советской власти в начале ее существования в какой-то мере способствовала сохранению самосудов. Так, Н.В. Крыленко приводит сведения о том, что первоначально применялись посрамительные методы традиционного суда (общественное порицание, «принудительная очистка отхожих мест», критика виновных в прессе и др.) [25, с. 180].

По мере укрепления занимаемых позиций линия власти изменилась, что привело к усилению борьбы с самосудами. Ведь было понятно, что при их сохранении в условиях большевистского государства будет отчетливо видна слабость правоохранительных структур и их неспособность справиться с пережитками прошлого. Так, архивные материалы по Брянской губернии за 1926 г. содержат указания Народного комиссариата внутренних дел о мерах, предупреждающих самосуды. В них отмечается, что «до сих пор нередко происходят случаи самочинной расправы отдельных групп граждан над задержанными преступниками. Обычно такие саморасправы, начинаясь с простого избиения заподозренного, заканчиваются его убийством при массовом участии целых сельских сходо... Указанные самосуды в условиях проводимой Советской властью революционной законности совершенно недопустимы, так как, с одной стороны, они подрывают на местах в корне авторитет власти, с другой — действуют развращающе на массы. Поэтому необходимо принять самые решительные меры к предотвращению случаев самосудов и усилить работу по линии милиции путем выявления в сельских местностях преступных элементов»¹.

¹ Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 1290. Оп. 1. Д. 201. Л. 100.

В Западном регионе России самосуд как форма крестьянского правосудия активно применялся на практике. Так, 18 февраля 1925 г. в Стародубском уезде Брянской области произошел случай самосуда крестьян над лицами, уличенными в воровстве. Стародубской волостной милицией было получено сообщение по телефону из села Нижнего. Заместитель председателя сельсовета Николай Печеный информировал о том, что «в амбаре гражданина Ботало Демьяна поймали вора, который выдает своих остальных товарищей. На место выехал начальник Стародубской волостной милиции товарищ Чемадуров. По прибытии в с. Нижнее вместо одного вора он увидел избитых 6 человек, из которых один через несколько часов скончался. В итоге было возбуждено два уголовных дела: одно — по обвинению избитых по ст. 180 УК, второе дело — о самосуде по ст. 149. В итоге выяснилось, что было избито 6 человек, из которых два скончались, а остальные к моменту прибытия находились на излечении. Граждане с. Нижнее, совершив преступление по ст. 149 УК и учитывая то, что им грозит большое наказание, забили тревогу, посылая по всевозможным направлениям и инстанциям разнохарактерные заявления и отзывы. Сельсовет принимает живое участие в этом, так как ему предъявлено обвинение как за соучастие, ибо самосуд произошел с разрешения председателя сельсовета Клоповского и некоторые члены сельсовета принимали активное участие в самом акте избивания. Резюмировалось, что дело закончено и направлено по подсудности»².

Прошло время, закончился советский период истории России, но незаконные расправы в форме самосудов продолжают существовать. Ранее самосуды, как правило, происходили с санкции местной власти и имели целью пресечение действий, нарушающих обычный, традиционный уклад жизни и хозяйства. В современной же России сельские жители все больше полагаются на свои силы, поскольку правоохранительные и судебные структуры не всегда оправдывают надежды граждан. По этому поводу известный публицист Михаил Веллер как-то написал: «Что такое «самосуд»? Это суд в первой инстанции, самой низовой, так сказать. Чем он руководствуется? Да справедливостью! Конфликт между самосудом и законом — это конфликт между правом людей на справедливость

и правом государства единолично вершить эту справедливость»³.

Например, в Брянской области осенью 2011 г. произошел случай самосуда, вызванный практически невыносимым положением жертвы. Один из жителей Клинцовского района Брянской области был вынужден совершить тройное убийство, так как односельчане с применением побоев и издевательств требовали у него заработанные в Москве 200 тыс. р. Полицейские выяснили, что подозреваемому в совершении преступления было 42 года и он характеризовался как исключительно порядочный человек. При задержании подозреваемый не оказал сопротивления и тут же сознался в преступлении. Как выяснилось, один из убитых был рецидивистом, а двое других при жизни также не отличались примерным поведением. Втроем они вымогали у задержанного деньги, заработанные в столице. В итоге после издевательств и угрозы жизни родным мужчина сам решил разобраться с обидчиками. После совершения самосуда он хотел покончить жизнь самоубийством, но не смог и ушел скрываться в леса⁴.

Другой случай самосуда, правда, с намного менее тяжкими последствиями, произошел в апреле 2014 г. в селе Вельяминово Карачевского района. Его решил совершить 28-летний карачевец, который заподозрил 18-летнего соседа в незаконном проникновении в свой дом. После этого в лесу он около получаса избивал его, подвесив за ногу к дереву. Позже, продолжая угрожать, заставил написать расписку о возмещении ущерба за разбитое окно и отпустил. Однако при вынесении приговора были учтены положительные характеристики обвиняемого, поэтому суд назначил ему наказание в виде трех лет лишения свободы условно с испытательным сроком два года и обязанности компенсировать моральный вред потерпевшему в размере 50 тыс. р.⁵

Вышеописанные случаи самосуда были совершены простыми сельскими жителями, которые надеялись только на себя, а не на по-

² ГАБО. Ф. 1050. Оп. 1. Д. 10. Л. 163.

³ Самосуд [Электронный ресурс]. URL: <http://русскоедвижение.рф/index.php/articles/42-articles/8161-2012-05-10-07-41-34>.

⁴ В Брянской области мужчина учинил самосуд над тремя вымогателями [Электронный ресурс]. URL: <http://therussiantimes.com/news/2256.html>.

⁵ Выбивавшего пытками признание вины карачевца осудили условно [Электронный ресурс]. URL: <http://www.moyareklama.ru/Брянск/новости/283597>.

мощь правоохранительных органов. Это и не удивительно, так как сами работники силовых структур часто действуют подобным образом. Например, в сентябре 2005 г. сотрудники Краснинского РОВД, старшина милиции Дмитрий Костров и старший сержант Владимир Логинов, совершили незаконные насильственные действия в отношении подозреваемого. Одна из жительниц с. Гусино вызвала милицию, жалуюсь на избиение. Милиционеры, не вдаваясь в процессуальные тонкости, нашли подозреваемого и начали его избивать, но «переборщили», и от полученных ранений мужчина скончался. За совершение самосуда Дмитрий Костров получил четыре года тюрьмы, а Владимир Логинов — три года и восемь месяцев⁶.

Самосуд может произойти, если выражаться юридическим языком, и в результате превышения пределов необходимой обороны. В частности, примерно такая ситуация имела место в деревне Знаменка Смоленского района 1 мая 2015 г. По случаю праздника двое местных жителей на берегу озера распивали спиртные напитки, и позже один из них стал приставать к соседской девочке, пришедшей на озеро купать собаку. Девочка обратилась за помощью к братьям. Они чрезмерно наказали обидчиков, из которых один умер. В результате двух молодых людей в возрасте 19 лет и 21 года будут судить за то, что они вступились за родную сестру, но слишком сильно наказали негодяев⁷.

В Калужской области незаконные действия граждан в виде самосуда также не являются чем-то исключительным. В частности, 2 февраля 2014 г. был осуществлен грабеж тремя неустановленными лицами с незаконным проникновением в жилище и применением насилия в отношении жителя Медыни. Казалось бы, банальная ситуация, однако дело осложнилось тем обстоятельством, что трое жителей Медыни решили изначально наказать обидчика своей родственницы, которую тот, якобы пытался изнасиловать. Однако избиением обидчика преступники не ограничились и совершили открытое похищение имущества. Поскольку двое из преступников являются рецидивистами, им гро-

зит наказание в виде лишения свободы на срок до семи лет⁸.

Участниками и жертвами самосудов в наше время становятся не только простые граждане, но и представители государственных структур. Так, в июне 2004 г. предприниматель из Хвостовичей на сделанное ему по телефону инспектором Госэнергонадзора предложение о проведении плановой проверки на его объекте ответил угрозами и оскорблениями, а затем выследил и избил инспектора. В результате предприниматель был приговорен к трем годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии⁹.

Таким образом, несмотря на различные изменения в обществе, самосуд как форма незаконной расправы продолжает сохраняться, а случаи его совершения даже учащаются в периоды государственной нестабильности и слабости правоохранительных органов. Общество, допуская самосуд, возвращается к своим истокам, когда все решало право сильного. В настоящее время главными причинами, которые толкают граждан на совершение самосудов, являются недоверие государству и неверие в его способность защитить их насущные интересы. При этом существенную негативную роль играет несправедливость судебных решений, лицемерие власть имущих, огромное несоответствие провозглашаемых ими лозунгов их реальному образу жизни¹⁰. В связи с этим можно согласиться с мнением о том, что для успешной борьбы с самосудами следует устранять серьезные недостатки в деятельности отечественной судебной системы, иначе предпринимаемые усилия по становлению России как правового демократического государства с развитым гражданским обществом окажутся тщетными [26]. Все вышеизложенное дает возможность говорить о том, что самосуд в качестве незаконной формы общественного наказания сохраняется в настоящем и, скорее всего, не исчезнет и в будущем.

⁸ «Самосуд» в Медыни закончится судом [Электронный ресурс]. URL: <http://prokuror.kaluga.ru/news-8196.html>.

⁹ Предприниматель устроил самосуд над представителем власти [Электронный ресурс] // Новости Калуги и области. 2004. 4 июня. URL: http://kalugacity.ru/news/create_page1.php4?page=2004-06-4.html.

¹⁰ URL: <http://русскоедвижение.пф/index.php/articles/42-articles/8161-2012-05-10-07-41-34>.

⁶ Смоленских милиционеров осудили за убийство обвиняемого [Электронный ресурс]. URL: <http://www.smolensk2.ru/story.php?id=3791>.

⁷ Самосуд по-смоленски [Электронный ресурс]. URL: <http://www.smolenskgorod.ru/news/Samosud-po-smolenski>.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тенишев В.В. Правосудие в русском крестьянском быту / В.В. Тенишев. — Брянск : Тип. Л.И. Итина и К°, 1907. — 192 с.
2. Смирнов А.М. Самосуд: понятие и признаки / А.М. Смирнов // Библиотека криминалиста. — 2013. — № 3. — С. 120–123.
3. Тенишев В.В. Административное положение русского крестьянина / В.В. Тенишев. — СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1908. — 172 с.
4. Тенишев В.В. Общие начала уголовного права в понимании русского крестьянина / В.В. Тенишев // Журнал Министерства юстиции. — 1909. — № 7. — С. 126–134.
5. Оршанский И.Г. Народный суд и народное право (по поводу вопроса о преобразовании волостных судов) / И.Г. Оршанский // Журнал гражданского и уголовного права. — 1875. — Кн. 4. — С. 140–223.
6. Карцев Е. Наше сельское правосудие / Е. Карцев // Вестник Европы. — 1882. — № 2. — С. 755–774.
7. Бусыгин Е.П. Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья : ист.-этногр. исслед. (середина XIX — начало XX вв.) / Е.П. Бусыгин, Н.В. Зорин, Е.В. Михайличенко. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1973. — 164 с.
8. Земцов Л.И. Крестьянский самосуд: правовые основы и деятельность волостных судов в пореформенной России (60–80-е гг. XIX в.) / Л.И. Земцов. — Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2007. — 264 с.
9. Безгин В.Б. Обычное право русской деревни (вторая половина XIX — начало XX в.) : учеб. пособие / В.Б. Безгин. — Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2000. — 48 с.
10. Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX — начала XX века) / В.Б. Безгин. — М. ; Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2004. — 304 с.
11. Шатковская Т.В. Самосуд как проявление российского правового менталитета / Т.В. Шатковская // Пробелы в российском законодательстве. — 2012. — № 6. — С. 35–39.
12. Кулачков В.В. Правовая повседневность крестьянства Западного региона России в первой трети XX века / В.В. Кулачков. — Брянск : Ладомир, 2012. — 166 с.
13. Кулачков В.В. Крестьянство Западного региона России в 1920-е гг. (социокультурные изменения) / В.В. Кулачков. — Брянск : Брян. гос. инж.-технол. акад., 2014. — 330 с.
14. Benson B.L. Customary Law / B.L. Benson // Encyclopedia of Law and Economics. — 2014. — June 21. — P. 1–10.
15. Buxbaum D.C. Family Law and Customary law in Asia: a Contemporary Legal Perspective / D.C. Buxbaum. — Springer Netherlands, 1968. — 228 p.
16. Kelsen H. General Theory of Law and State / H. Kelsen. — London, 2007.
17. Parisi F. Customary law / F. Parisi // The Encyclopedia of Public Choice. — 2004. — № 1. — P. 460–463.
18. Roughan N. The nature of customary law / N. Roughan // Res Publica. — 2009. — Vol. 15, iss. 3. — P. 305–313.
19. Фрэнк С. Народная юстиция, община и культура русского крестьянства. 1870–1900 [Электронный ресурс] / С. Фрэнк. — Режим доступа: http://www.ec-dejavu.net/m/Mob_murder.html.
20. Астырев Н.М. В волостных писарях: очерки крестьянского самоуправления / Н.М. Астырев. — М. : Тип. В.В. Исленьева, 1898. — 396 с.
21. Соловьев Е.Т. Преступления и наказания по понятиям крестьян Поволжья / Е.Т. Соловьев // Сборник народных юридических обычаев : в 2 т. / под ред. С.В. Пахмана. — СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1900. — Т. 2. — С. 275–300.
22. Белогриц-Котляревский Л.С. Мифологическое значение некоторых преступлений, совершенных по суеверию / Л.С. Белогриц-Котляревский // Исторический вестник. — 1888. — № 7 / 9. — С. 105–115.
23. Безгин В.Б. Крестьянский самосуд и семейная расправа (конец XIX — начало XX вв.) / В.Б. Безгин // Вопросы истории. — 2005. — № 3. — С. 152–157.
24. Бердинских В. Крестьянская цивилизация в России / В. Бердинских. — М. : Аграф, 2001. — 427 с.
25. Крыленко Н.В. Ленин о суде и уголовной политике / Н.В. Крыленко. — М. : Сов. законодательство, 1934. — 190 с.
26. Гриб В.В. Самосуд как социально-криминологическая проблема современной России / В.В. Гриб, А.М. Смирнов // Российский следователь. — 2013. — № 14. — С. 34–36.

REFERENCES

1. Tenishev V.V. *Pravosudie v russkom krest'yanskom bytu* [Justice in Russian Peasants' Lives]. Bryansk, L.I. Itin i K° Publ., 1907. 192 p.
2. Smirnov A.M. Mob law: the concept and attributes. *Biblioteka kriminalista = Criminalist's Library*, 2013, no. 3, pp. 120–123. (In Russian).
3. Tenishev V.V. *Administrativnoe polozhenie russkogo krest'yanina* [The Administrative Situation of a Russian Peasant]. Saint Petersburg, A.S. Suvorin Publ., 1908. 172 p.
4. Tenishev V.V. The common basics of criminal law in the understanding of a Russian peasant. *Zhurnal Ministerstva yustitsii = A Journal of the Ministry of Justice*, 1909, no. 7, pp. 126–134. (In Russian).
5. Orshanskii I.G. People's court and people's law (to the issue of reforming district courts). *Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava = Journal of Civil and Criminal Law*, 1875, vol. 4, pp. 140–223. (In Russian).
6. Kartsev E. Our peasants' justice. *Vestnik Evropy = European Bulletin*, 1882, no. 2, pp. 755–774. (In Russian).
7. Busygin E.P., Zorin N.V., Mikhailichenko E.V. *Obshchestvennyi i semeinyi byt russkogo sel'skogo naseleniya Srednego Povolzh'ya. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie (seredina XIX — nachalo XX vv.)* [Public and Family Life of Rural Population of the Middle Volga Region. A Historic and Ethnographic Study (mid-19th — early 20th centuries)]. Kazan University Publ., 1973. 164 p.
8. Zemtsov L.I. *Krest'yanskii samosud: pravovye osnovy i deyatelnost' volostnykh sudov v poreformennoi Rossii (60–80-e gg. XIX v.)* [Peasants' vigilantism: the legal basis and the work of district court in the post-reform period (1860s — 1880s)]. Voronezh State University Publ., 2007. 264 p.
9. Bezgin V.B. *Obychnoe pravo russkoi derevni (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.)* [Common Law in the Russian Village (second half of the 19th — early 20th centuries)]. Tambov Institute of Chemical Engineering Publ., 2000. 48 p.

10. Bezgin V.B. *Krest'yanskaya povsednevnost' (traditsii kontsa XIX — nachala XX veka)* [Everyday peasants' life (traditions of late 19th — early 20th centuries)]. Moscow, Tambov Institute of Chemical Engineering Publ., 2004. 304 p.
11. Shatkovskaya T.V. Mob law as a manifestation of Russian legal mentality. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2012, no. 6, pp. 35–39. (In Russian).
12. Kulachkov V.V. *Pravovaya povsednevnost' krest'yanstva Zapadnogo regiona Rossii v pervoi treti XX veka* [Everyday legal realities of peasants' lives in the Western region of Russia in the first third of the 20th century]. Bryansk, Lodomir Publ., 2012. 166 p.
13. Kulachkov V.V. *Krest'yanstvo Zapadnogo regiona Rossii v 1920-e gg. (sotsiokul'turnye izmeneniya)* [The peasantry of the Western region of Russia in the 1920s (socio-cultural changes)]. Bryansk State Engineering-Technological Academy Publ., 2014. 330 p.
14. Benson B.L. Customary Law. *Encyclopedia of Law and Economics*, 2014, June 21, pp. 1–10.
15. Buxbaum D.C. *Family Law and Customary Law in Asia: a Contemporary Legal Perspective*. Springer Netherlands, 1968. 228 p.
16. Kelsen H. *General Theory of Law and State*. London, 2007. 391 p.
17. Parisi F. Customary law. *The Encyclopedia of Public Choice*, 2004, no. 1, pp. 460–463.
18. Roughan N. The nature of customary law. *Res Publica*, 2009, vol. 15, iss. 3, pp. 305–313.
19. Frenk S. *Narodnaya yustitsiya, obshchina i kul'tura russkogo krest'yanstva. 1870–1900* [People's justice, community and culture of Russian peasants. 1870–1900]. Available at: http://www.ec-dejavu.net/m/Mob_murder.html. (In Russian).
20. Astyrev N.M. *V volostnykh pisaryakh: ocherki krest'yanskogo samoupravleniya* [From District Records: Reviews on Peasants' Vigilantism]. Moscow, V.V. Islen'ev Publ., 1898. 396 p.
21. Solov'ev E.T. Crimes and punishments in the views of the Volga Region peasants. In Pakhman S.V. (ed.). *Sbornik narodnykh yuridicheskikh obychaev* [A Collection of Folk Legal Customs]. Saint Petersburg, A.S. Suvorin Publ., 1900, vol. 2, pp. 275–300. (In Russian).
22. Belogrits-Kotlyarevskii L.S. The mythological meaning of some crimes committed out of superstition. *Istoricheskii vestnik = Historical Bulletin*, 1888, no. 7 / 9, pp. 105–115. (In Russian).
23. Bezgin V.B. Peasants' mob law and family reprisals (late 19th — early 20th centuries). *Voprosy istorii = Issues of History*, 2005, no. 3, pp. 152–157. (In Russian).
24. Berdinskikh V. *Krest'yanskaya tsivilizatsiya v Rossii* [Peasants' Civilization in Russia]. Moscow, Agraf Publ., 2001. 427 p.
25. Krylenko N.V. *Lenin o sude i ugolovnoi politike* [V. Lenin on Court and Criminal Policy]. Moscow, Sovetskoe Zakonodatel'stvo Publ., 1934. 190 p.
26. Grib V.V., Smirnov A.M. Mob law as a social and criminological issue of contemporary Russia. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2013, no. 14, pp. 34–36. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Музычук Татьяна Леонидовна — проректор по научной работе Байкальского государственного университета, доктор филологических наук, доцент, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: muzychuk@rambler.ru.

Кулачков Вадим Витальевич — доцент кафедры философии, истории и социологии Брянского государственного инженерно-технологического университета, кандидат исторических наук, бакалавр юриспруденции, г. Брянск, Российская Федерация; e-mail: vad2517@yandex.ru.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Музычук Т.Л. Самосуд в России: историко-правовой опыт (на материалах Западного региона) / Т.Л. Музычук, В.В. Кулачков // Всероссийский криминологический журнал. — 2017. — Т. 11, № 2. — С. 444–450. — DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(2).444-450.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Muzychuk, Tatyana L. — Vice Rector for Research, Baikal State University, Doctor of Philology, Ass. Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: muzychuk@rambler.ru.

Kulachkov, Vadim V. — Ass. Professor, Chair of Philosophy, History and Sociology, Bryansk State Engineering-Technological University, Ph.D. in History, Bachelor of Laws, Bryansk, the Russian Federation; e-mail: vad2517@yandex.ru.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Muzychuk T.L., Kulachkov V.V. Vigilantism in Russia: historical and legal experience (based on materials from the Western region of Russia). *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2017, vol. 11, no. 2, pp. 444–450. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(2).444-450. (In Russian).